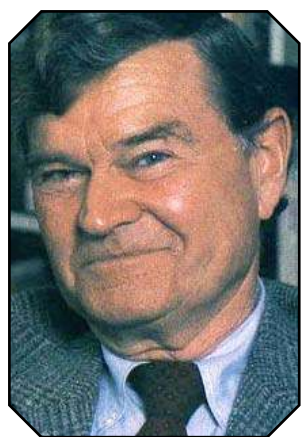

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Пол Фасселл

Класс: путеводитель по статусной системе Америки¹

ФАССЕЛЛ Пол – младший (1924–2012) — историк культуры и литературы, почётный профессор английского языка в Школе искусств и наук Пенсильванского университета. Умер в возрасте 88 лет в г. Медфорд (Орегон, США).

*Перевод с англ.
М. С. Добряковой*

Публикуется с разрешения Издательского дома ВШЭ

В книге, первую главу из которой публикует журнал «Экономическая социология», профессор П. Фасселл представляет результаты своего исследования классовой системы в США. Автор выделяет классы не на основе врождённых характеристик или скрытых от взгляда наблюдателей предпочтений его представителей, а на основе очевидных проявлений того выбора, который они осуществляют. Профессор Фасселл подробно описывает стиль жизни каждого класса и то, как его представители одеваются, предпочитают проводить досуг, где живут, какое образование получают. Первое издание книги вышло в 1983 г.

В главе «Щекотливая тема» формулируются проблематика и актуальность исследования. Профессор Фасселл обращает внимание на то, что в США принято считать классовые различия запутанными и практически неуловимыми, в результате чего самое существование классовой структуры нередко ставится под сомнение. Однако, по мнению автора книги, отказ от обсуждения этого вопроса или враждебное отношение к нему служит уже само по себе проявлением наличия классовой системы в обществе.

Ключевые слова: класс; социальная стратификация; социальная иерархия; жизненный стиль; выбор; США.

Глава 1. Щекотливая тема

Хотя большинство американцев ощущают, что живут в чрезвычайно запутанной системе социальных классов, и подозревают, что изрядная часть их мыслей и поступков подсказана им соображениями статуса, предмет этот всё время оставался окутан густым туманом. И отпугивал своей щекотливостью. Вы и сегодня запросто вгоните людей в краску, лишь заикнувшись о социальном классе, — примерно так же лет сто назад пришло бы в остолбенение чинное собрание, попивающее маленькими глоточками чай под сенью гераней и фикусов, при неуместно пылком упоминании секса. Вот недавно, когда на вопрос, о чём пишешь, я отвечал: «Это книга о социальном классе в Америке», — собеседники обычно принимались потуже затягивать галстук и украдкой коситься на свои манжеты, инспектируя степень обтрёпанности. А через несколько минут молча поднимались и шагали куда подальше. И дело не в том, что меня подозревали в классовом шпионаже.

¹ *Источник:* Фасселл П. (готовится к изданию) Класс: путеводитель по статусной системе Америки. М.: Изд. дом ВШЭ. Пер. с англ. Fussell P. 1983. *Class: A Guide Through the American Status System*. New York: Touchstone.

Реакция была такая, будто я прямо заявил: «Да, работаю над книгой, призывающей до смерти забивать новорождённых детёнышей китов трупиками тюленят». Буквально с той минуты, как я начал писать эту книгу, я в полной мере ощутил кошмарную истину, открывшуюся Р. Г. Тоуни в его книге «Равенство» [Tawney 1931]²: «Слово “класс” насквозь пропитано неприятными ассоциациями, и любой, кто будет за него упорно цепляться, рискует, что эту его нездоровую тягу воспримут как признак извращённого ума и завистливости».

Особенно в Америке, где идея класса вызывает особое смущение. В книге «Неравенство в период упадка» социолог Пол Блумберг доходит до того, что называет его «запретной мыслью Америки» [Blumberg 1980]. Да и то правда — люди частенько приходят в сущее неистовство, стоит лишь едва коснуться этой темы. Одна дама, которую парочка интервьюеров осмелилась спросить, есть ли, по её мнению, социальные классы в этой стране, негодуяюще вскинулась: «Ничего более гнусного я не слышала!». А господин, которому задали тот же вопрос, так разозлился, что поперхнулся и просипел: «Социальный класс надо изничтожить!»

Вообще-то вы немало узнаете о своём социальном классе по той степени раздражения или ярости, которая всколыхнётся в вашей душе, когда кто-нибудь рядом поднимет эту тему. Тенденция приходить в бурное возмущение, скорее всего, означает, что вы принадлежите к среднему классу и боитесь, как бы не пришлось соскользнуть на пару ступенек вниз. А вот представители высшего класса обожают эту тему. Более того, чем больше внимания она получает, тем сильнее они светятся удовольствием. Пролетариям же обычно безразличны все эти разговоры, поскольку они хорошо знают, что мало чего могут сделать для того, чтобы изменить свою классовую сущность. И потому вся эта история с классами им представляется чем-то вроде шутки — высшие классы кажутся глупыми в своём пустом аристократическом тщеславии, а средние отвратительны своей натужной изысканностью. Средний класс тоньше всех чувствует тему и обычно боится её как огня. Один из его представителей оставил пометку на библиотечном экземпляре «Законодателей вкусов» Рассела Лайна [Lynes 1954]. Насупротив абзаца, отечески наставляющего средний класс в его сомнительных упражнениях на ниве украшения и сатирически противопоставляющего его художественные повадки привычкам и манерам классов более возвышенных, оскорблённый читатель накорябал большими буквами «ЧУШЬ НЕСУСВЕТНАЯ!» Безнадёжный образчик мужественного представителя среднего класса (уж никак не дама, верно?), если такие встречаются в природе.

Если вы выдаёте свою классовую принадлежность вспышкой гнева из-за малейшего намёка на сам предмет, то не менее выразительно вы выдадите себя и тем, как, собственно, вы определяете этот предмет, вызывающий такой гнев. Люди, утвердившиеся ближе к основанию классовой пирамиды, обычно полагают, что класс определяется количеством денег, которым вы владеете. Люди из серединки тоже согласятся, что деньги играют здесь не последнюю роль, однако добавят, что не менее важно и образование, а также то, какой работой вы занимаетесь. Приближённые же к верхушке уверены, что неотъемлемыми критериями, определяющими принадлежность к классу, — независимо от количества денег, рода занятий или образования — являются вкус, ценности, идеи, стиль и поведение. Одна леди в интервью Стадзу Теркелю для книги «Улица различий: Америка» [Terkel 1967] недвусмысленно продемонстрировала свою принадлежность к среднему классу явной неловкостью по поводу самого предмета и инстинктивным упоминанием рода занятий как ключевого критерия для определения классовой позиции. «На этой улице у нас почти все классы живут», — заявила она. — «Впрочем, я не должна говорить “классы”, — продолжала она, — ведь в нашем обществе нет классов». И следом — довод о роде занятий: «Но у нас тут живут и дворники, и врачи, и бизнесмены, и бухгалтеры».

² Здесь и далее при цитировании указываются только те данные об источнике, которые приведены в оригинальном издании. — *Примеч. ред.*

Социологи уже привыкли слышать от респондентов, что там, где они живут, социальных классов нет. «В нашем городе нет классов», — почти всегда это самое первое замечание, которое записывает исследователь», — пишет Леонард Райсман, автор книги «Класс в американской жизни» [Reissman 1959]. «И когда фраза произнесена и больше не торчит, как кость в горле, можно спокойно фиксировать классовые различия в городке, по поводу которых, что характерно, добропорядочные жители выразят удивительное согласие». Романист Джон О'Хара сделал карьеру, пытаясь разобраться в этой щекотливой теме, обнаружив незаурядную чувствительность к ней. Будучи ещё мальчиком, он обратил внимание, что в родном пенсильванском городке «старшие люди не обращаются с другими, как с равными».

Классовые различия в Америке столь запутаны и с таким трудом уловимы, что заезжие наблюдатели частенько упускают из виду нюансы, а порой и самое существование классовой структуры. «Басня о равенстве», как назвала её Фрэнсис Троллоп в своём турне по Америке в 1832 г., так убедительна, а правительство так конфузливо избегает данной темы — все многие тысячи расчётов, извергаемых разнообразными государственными конторами, официально не признают существование социального класса, — что путешественникам легче лёгкого пройти мимо классовой системы и не заметить её. Подтверждает это и пример Уолтера Аллена, британского романиста и литературного критика. Пока он не перебрался в США в 1950-х гг. преподавать в колледже, он воображал, будто «класс в Америке вряд ли вообще существует, если не считать, пожалуй, различий между этническими группами или волнами иммигрантов»³. Однако глаза его раскрылись, когда он прожил какое-то время в Гранд-Рапидз и ощутил снобистский напор Новой Англии, а также уступчивость местных жителей уверенно насаждаемым моральным и культурным авторитетам старых семей.

Некоторые американцы с удовлетворением наблюдали, как в 1970-х гг. провалился телесериал «Биконхилл» (драма о жизни высшего света, снятая по модели британской ленты «Вверх и вниз по лестнице»), и тешили себя мыслью, что фильм постигла такая участь потому, что никакой классовой системы в стране нет, потому и интереса к вопросу нет. Но они ошибались. «Биконхилл» не смог увлечь американских телезрителей потому, что фокусировался на, пожалуй, наименее интересной части подлинной классовой структуры — на квазиаристократическом высшем классе. Постановка имела бы больший успех, осветив ситуации, в которых все могли бы разглядеть знакомые классовые коллизии, — например, когда высший-средний класс встречается со средним и пытается противостоять его поползновениям пробраться повыше или когда средний класс поступает аналогичным образом с классами ступенькой ниже.

Если иностранцы покупаются на официальную пропаганду и верят в миф о социальном равенстве, то местные жители обычно знают, что есть что, даже если и ощущают неловкость в разговоре об этом. Когда темнокожий южанин говорит об амбициозном товарище: «Джо не может быть в одном классе с "большими парнями"», — мы чувствуем, что рядом человек, понимающий реальное положение дел. Как и в случае, когда слышим от плотника: «Не люблю я говорить, будто у нас есть классы, но просто людям приятнее, когда рядом люди с таким же жизненным опытом». Его группировка людей по «схожему жизненному опыту» (бэкграунду), пусть и научно неточная, в сущности, ничуть не хуже, чем любая другая попытка описать, чем же один класс отличается от другого. Если вы чувствуете, что вам нет необходимости объяснять свои ассоциации, аллюзии и вообще всё, что вы имеете в виду, скорее всего, вы говорите с человеком вашего класса. Это касается любой темы разговора — будь то бейсбольный матч между «Сан-Франциско Форти Найнерс» и «Лос-Анджелес Рэмз», жилой автофургон для путешествий, факультет или колледж (скажем, Крайст-Черч⁴ в Оксфордском университете),

³ Здесь и далее в подобных случаях в оригинальном издании источник цитирования не указан. — *Примеч. ред.*

⁴ *Christ Church* (Церковь Христа) — один из самых крупных аристократических колледжей Оксфордского университета (Великобритания). Основан в 1525 г. — *Примеч. ред.*

пиццерия «Мама Леоне», Нью-Йоркская фондовая биржа, пятизвёздный «Вайнгард», мотоциклетные гонки «бахи» или закрытый мужской клуб «Порселлиан» Гарвардского университета.

В этой книге я расскажу о некоторых видимых и слышимых признаках социального класса, но в основном буду фокусироваться на тех, которые отражают выбор. Это означает, что я не стану касаться вопросов расовых отношений или, за редкими исключениями, религии либо политики. Раса видна, но её не выбирают. Религию и политические взгляды, да, обычно выбирают, однако они не явны — кроме разве что случаев, когда на лужайке перед домом возведена часовня или на бампере автомобиля красуется наклейка. При одном лишь взгляде на человека нельзя определить, римский ли он католик или либерал. Вместо этого вы видите «вручную расписанный шейный платок» или «паршивую рубашку из полиэстера»; ваше ухо улавливает слова «параметры» или «касаемо». Пытаясь разобраться с подобными индикаторами, я руководствовался, скорее, чутьём и ощущениями, а не каким-то методом, который можно было бы отнести к «научным», полагая, вслед за Артуром Марвиком, автором книги «Класс: образ и реальность», что «класс <...> слишком серьёзная штука, чтобы можно было доверить его социальным учёным» [Marwick 1980].

И особенно серьёзна эта штука в Америке, потому что у нас здесь нет удобной системы унаследованных титулов, рангов и почестей, каждому поколению приходится заново определять иерархии. Наше общество меняется быстрее, чем любое другое на планете, и американец может оказаться почти в уникальной ситуации, будучи не в силах разобраться, а какое, собственно, место он занимает среди соотечественников. Атрибуты, указывавшие на принадлежность к определённому классу в 1930-х гг., — белые льняные высокие носки для гольфа, хромовые шейкеры для коктейлей, жилеты с белым кантом — сегодня уже вряд ли (если выразиться аккуратно) помогут в чём-то разобраться. Вращаясь в обществе, стремительно меняющемся, а не традиционном, американцы обнаруживают, что определить своё место в нём им гораздо сложнее, чем большинству европейцев. Но в то же время настойчивым лейтмотивом стучит призыв: «Сделай это!». «Как у меня, получается?» — любил прореветь с трибуны мэр Нью-Йорка Эд Коч, и аудитория, как правило, моментально улавливала главный американский вопрос.

И потому, пишет британский философ Энтони Квинтон, нет ничего удивительного в том, что «книга об этикете в её нынешнем формате — продукт преимущественно американский; Эмили Пост <...> и Эми Вандербилт — главные авторитеты». Причина этого в том, что Соединённые Штаты — в изрядной степени страна «пришлых новичков», и все они стремятся расположиться с наибольшей выгодой поближе к возможностям преуспевания. «Есть среди них новички в географическом смысле, то есть иммигранты, — говорит Квинтон, — а есть и в экономическом — недавно разбогатевшие. Наконец, есть и новички в смысле хронологическом — молодёжь». И все они решают задачу, неизбежную в массовом обществе: добиться уважения. Комический актёр Родни Дэнджерфилд, сетующий на отсутствие уважения, относится к тому же национальному типу, что и персонаж, описанный Джоном Адамсом, который поделился своими наблюдениями ещё в 1805 г.: «Наградой <...> в этой жизни служат *почёт* и *восхищение* окружающих, наказанием же — *пренебрежение* и *презрение* <...> У иных потребность в уважении так же настойчиво ощутима, как и естественные потребности, такие как голод, а презрение и небрежение приносят страданий не меньше, чем подагра или удар камнем <...>». Примерно тогда же ирландский поэт Томас Мур, уловивший особые трудности, которые навлекли на себя американцы своей эгалитарной Конституцией, описал граждан округа Вашингтон как созданий, рождённых быть рабами, но бьющихся за титул лорда.

Тридцать лет спустя, в книге «Демократия в Америке», Алексис де Токвиль подметил ту же в точности — совершенно особую — проблему классовых устремлений. «Нигде, — пишет он, — граждане не

кажутся столь маленькими, как в демократическом обществе» [Tocqueville 1835]⁵. И соответственно нигде не найти более усердных попыток добиться — слово «заработать», пожалуй, неуместно — величия. Тоже в XIX веке, но несколько позже, Уолт Уитмен в «Демократических даях» (1871 г.) заявляет: в США, где форма правления заточена на поддержание единообразия (или, по крайней мере, иллюзию такового), граждан неотступно будет преследовать тревога совершенно особого свойства — постоянная борьба за индивидуальное самоуважение, основанное на социальном одобрении. Иными словами, там, где каждый — кто-то, никому не стать любим. В недавнем опросе общественного мнения, проведённом Институтом Харриса (Louis Harris poll), 76% респондентов ответили, что больше всего они хотят «уважения со стороны окружающих». Один рекламодатель, обращаясь к потенциальным покупателям кофейного столика, давеча рисовал перед ними образ, столь милый американскому сердцу: «Положитесь на свой хороший вкус — вот надёжный, душевный, чуткий советчик, который обеспечит вам почтительное внимание в любой обстановке, какую вы только пожелаете себе представить».

Особой опасностью, подстерегающей классовую ситуацию в Америке, где всё меняется очень быстро, а призы достаются любому везунчику, оказывается разочарование, за которым по пятам следует зависть. Поскольку миф создаёт впечатление, будто ты запросто можешь проложить себе путь к вершинам, горечь разочарования оказывается особенно сильной, когда ты понимаешь, что заперт в ловушках классовой системы. Но тебя уже почти убедили, что она совершенно не важна. Когда, миновав молодость и вступив в зрелые годы, некоторые обнаруживают, что их возможности социального восхождения сдерживаются ограничениями, порождённые такими, казалось бы, не относящимися к делу факторами, как наследственность, окружение в раннем возрасте и социальный класс ближайших предков, они впадают в нечто вроде отчаяния. Обычно оно держится в секрете, но не становится от этого менее разрушительным.

Де Токвиль предвидел такого рода душевные терзания. Он пишет: «Во времена демократии люди испытывают значительно более сильные удовольствия, чем люди, живущие в века аристократического правления, и — что ещё более важно — эти удовольствия становятся доступными неизмеримо большему числу людей». Однако далее добавляет: в эгалитарной атмосфере «надежды и желания людей исполняются значительно реже, их души испытывают значительно более сильные волнения и беспокойство, и их заботы становятся более изматывающими» [Tocqueville 1835]⁶.

Следом за несбывшимися надеждами приходит зависть. В США никогда не стоит недооценивать силу примитивной классовой зависти, стоящую за подлыми и даже преступными деяниями, закипающую в результате разочарования в официальном мифе об отсутствии классов. Человек, парковавший свой роскошный автомобиль в большом городе, а по возвращении домой обнаруживший, что все окна разбиты, радиоантенна выдернута с корнем, сразу поймёт, что я имею в виду. Сенатор Джозеф Р. Маккарти, выступавший в 1950 г. в Западной Вирджинии, прибегнул к языку, практически не оставляющему сомнений в том, что он в действительности хотел сказать: не столько «коммунизм», сколько зависть к высшему-среднему и высшему классам. «Нацию предадут не самые обделённые и не представители меньшинств, — заявил он, — а те, кто наслаждается всеми преимуществами <...> те, кому достались лучшие дома, образование в лучших университетах<...>» Доведённая до определённого градуса, классовая зависть порождает мстительный эгалитаризм. Юморист Роджер Прайс в книге «Великая революция выскочек» (1970) так описывает отличие демократии от эгалитаризма: «Демократия от всех своих граждан требует начинать гонку в одной точке. Эгалитаризм же настойчиво требует, чтобы все они *финишировали* в одной точке» [Price 1970]. И тут мы получаем картину, которую Л. П. Хартли высмеивает в романе «Справедливость налицо» (1960), когда пишет о «предубеждении против привлекательной

⁵ Цит. по: Токвиль А. де. 1992. Демократия в Америке. М.: Прогресс; 346. — *Примеч. ред.*

⁶ Цит. по: Токвиль А. де. 1992. Демократия в Америке. М.: Прогресс; 394. — *Примеч. ред.*

внешности» в некоем обществе будущего, чем-то напоминающем наше: неравенство, порождённое внешностью, искореняют государственные пластические хирурги, но их скальпель не добавляет каждому красоты, а, напротив, делает всех одинаково невзрачными.

Несмотря на то что политически и юридически мы проповедуем равенство, на уровне индивидуального восприятия и понимания, которыми редко делятся публично, мы склонны выстраивать вертикальные конструкции и требовать принципиальных различий в оценивании. Независимо от того, что говорится о равенстве, полагаю, каждый когда-либо приближается к состоянию, в котором остаётся лишь повторить за Оскаром Уайльдом: «<...> Братство людское — не пустая выдумка поэтов, а самая гнетущая и гнусная реальность». Как будто в самых глубоких тайниках души мы мечтаем не о собраниях, а о различиях. Анализ и разделение представляются нам интересными, тогда как синтез — скучным.

Федеральное правительство отрицает явную иерархию социальных классов, тем не менее признаёт: да, по закону мы все равны, но практически во всех отношениях — нет. Отсюда возникают и 18 категорий государственных служащих — от категории 1 (посыльный и ему подобные), категорий 2 (почтовый клерк), 5 (секретарь), 9 (фармацевт) до категории 14 (юрист) и, наконец, 16, 17 и 18 (управленцы высшего звена). В строительном бизнесе хорошо заметна социальная иерархия занятий: на дне помещается «грязная работа», или, попросту, экскавация; посередине будет строительство канализационных стоков, дорог и туннелей; а на вершине — строительство зданий (чем выше здание, тем выше и позиция строителя). Продавцы «эсклюзивных письменных столов» и дополняющей их офисной мебели знают, что и они, и их клиенты вместе придерживаются жёсткой «классовой» иерархии. Сначала идут столы из дуба, затем — из орехового дерева. Ступенькой выше пойдёт красное дерево — это мебельный «высший-средний класс», если угодно. И наконец, мы приближаемся к верхушке — тиковому дереву. Если же взять социальные функции дам в армии, то разливать кофе — прерогатива супруги старшего офицера, ибо, как знает каждая леди, кофе имеет более высокий ранг по сравнению с чаем.

Рис. 1. Сцена из жизни американской армии: жена старшего офицера (обратите внимание на наряд, характерный для псевдовысшего-среднего класса) разливает кофе жёнам младших офицеров

Похоже, что нет такого места, в которое не проникли бы иерархические лестницы статусов. Взять музыкальные инструменты. Принятое в симфоническом оркестре ранжирование музыкантов отражает сложность и степень утонченности различных музыкальных инструментов: на вершине — струнные смычковые, сразу следом — деревянные духовые, затем медные и, наконец, в самом низу иерархии — ударные. По шкале сложности аккордеон оказывается ближе к дну, а скрипка — к вершине. Есть и другой вариант приписать музыкальным инструментам нечто вроде социального класса — посмотреть на них с точки зрения престижности той группы, в которой этот инструмент обычно играет. Как заметил композитор Эдвард Коун, «если вы играете на скрипке, то можете играть и в струнном квартете, и в симфоническом оркестре, но едва ли в джазовом коллективе и уж точно не в военном оркестре или в составе марширующей сборной на спортивных соревнованиях. Среди деревянных духовых инструментов флейта и гобой, играющие, как правило, в симфоническом оркестре, считаются “лучше” кларнета, который может играть и симфонию, и джаз, и выдувать бодрые спортивные марши. Среди медных духовых инструментов самый высокий статус у валторны, поскольку она не замечена в джазовом исполнении. Среди ударных главенствуют литавры — по той же причине». Кроме того, чем ниже ноты, которые выдаёт инструмент, тем ниже он классом, поскольку на басовых инструментах обычно легче играть (исключение тут составляет фагот). Таким вот образом сузифон оказывается в иерархии ниже фанфар, контрабас — ниже скрипки, и так далее. Если вам скажут: «Мой мальчик берёт уроки игры на тромбоне», — вам будет несколько труднее сдержать улыбку, чем если бы вы услышали: «Мой мальчик берет уроки игры на флейте». И напротив, услышать «Мой мальчик берет уроки игры на виоле да гамба» означает, что на вас направлен мощный сигнал, указывающий на классовую принадлежность, — вроде того, который подаёт увлечённость антиквариатом, музеями, галереями и всевозможным «образованием». Гитары (кроме случаев «классической», то есть архаической, игры) расположены у подножия иерархии, и именно поэтому в 1960-х и 1970-х гг. молодые люди так часто намеренно использовали их как орудие классовой деградации. Гитара, ассоциирующаяся с цыганами, пастухами и прочими персонажами, не имеющими определенного места жительства и не обременёнными ни наследством, ни — что тоже не редкость — собственноручно заработанными деньгами, была прекрасным инструментом, чтобы ясно выразить стремление этой молодёжи вырваться из клетки выше-среднего и среднего класса.

Уильям Баррет, в прошлом социалист и редактор американского ежеквартальника «Партизан ревью», окидывая взглядом минувшие 30 лет, заключает: «Бесклассовое общество все больше напоминает утопическую иллюзию. Социалистические страны точно так же выстраивают собственную классовую структуру». Хотя в этом случае, подчёркивает Баррет, классы в значительной степени основаны на успешности бюрократического выслуживания. «Поскольку мы вынуждены <...> так или иначе иметь дело с классами, почему бы не дать им расти более естественным образом, сохранять разнообразие и пестроту», характерные для Запада? И раз уж они есть, почему бы не разузнать о них всё, что только нам под силу? Пусть тема и щекотлива, но не оставайтесь же ей навеки покрытой мраком.

Литература

Blumberg P. 1980. *Inequality in an Age of Decline*. New York: Oxford University Press.

Hartley L. P. 1960 *Facial Justice*. Garden City, NY: Doubleday.

Lynes R. 1954. *The Tastemakers*. New York: Harper.

Marwick A. 1980. *Class: Image and Reality*. New York: Oxford University Press.

Price R. 1970. *The Great Rob Revolution*. New York: Random House.

Reissman L. 1959. *Class in American Life*. Glencoe, IL: Free Press.

Tawney R. H. 1931. *Equality*. New York: Harcourt, Brace and Co.

Terkel S. 1967. *Division Street: America*. New York: Pantheon Books.

Tocqueville A. 1835–1840. *Democracy in America*. London: Saunders and Otley.

Whitman W. 1871. *Democratic Vistas*. Washington, DC: [publisher not identified].

NEW TRANSLATIONS

Paul Fussell

Class: A Guide Through the American Status System (an excerpt)

FUSSELL, Paul, Jr. (1924–2012) — cultural and literary historian, Donald T. Regan Professor Emeritus of English in the School of Arts & Sciences of the University of Pennsylvania. Died in Medford, Oregon.

Abstract

This book presents a comprehensive and carefully researched guide to the American class system. Professor Fussell distinguishes between classes using not a criterion of inborn features or hidden observation preferences, but by using visible demonstrations of choice. Fussell describes the lifestyles of people in each class, from the way they dress and where they live to their education and hobbies.

Journal of Economic Sociology publishes the first chapter, “A Touchy Subject,” in which Fussell indicates that in the United States, class differences are complex and subtle and that the existence of a class structure in the country is questioned. However, Fussell considers that a refusal to answer the question about social classes as well as a hostile response to the question indicate that in a given society there is a class system.

Keywords: class; social stratification; social hierarchy; lifestyle; choice; USA.

References

Blumberg P. (1980) *Inequality in an Age of Decline*, New York: Oxford University Press.

Hartley L. P. (1960) *Facial Justice*, Garden City, NY: Doubleday.

Lynes R. (1954) *The Tastemakers*, New York: Harper.

Marwick A. (1980) *Class: Image and Reality*, New York: Oxford University Press.

Price R. (1970) *The Great Robb Revolution*, New York: Random House.

Reissman L. (1959) *Class in American Life*, Glencoe, IL: Free Press.

Tawney R. H. (1931) *Equality*, New York: Harcourt, Brace and Co.

Terkel S. (1967) *Division Street: America*, New York: Pantheon Books.

Tocqueville A. (1835–1840) *Democracy in America*, London: Saunders and Otley.

Whitman W. (1871) *Democratic Vistas*, Washington, DC: [publisher not identified].

Received: May 16, 2019

Citation: Fussell P. (2019) Klass: putevoditel' po statusnoy sisteme Ameriki [Class: A Guide Through the American Status System (an excerpt)], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya stostiologiya*, vol. 20, no 3, pp. 90–98. doi: 10.17323/1726-3247-2019-3-90-98 (in Russian).